

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Цыганская серьга удачи
когда-то принадлежала
Франсуа Видоку, французско-
му преступнику, ставшему
знаменитым сыщиком.

Амулет приносил ему
неслыханное везение во всем,
за что бы он ни брался, но в
конце концов именно серьга
его и погубила...

Мария СПАССКАЯ

**Серьга удачи
знаменитого
сыщика Видока**

Артефакт & Детектив

Мария Спасская

**Серьга удачи знаменитого
сыщика Видока**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Спасская М.

Серьга удачи знаменитого сыщика Видока / М. Спасская —
«Эксмо», 2016 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-84502-6

Старой цыганке Замбиле каждую ночь снился один и тот же сон: ей являлась незнакомка и просила разыскать серьгу удачи. Амулет следовало вернуть цыганской святой Саре Кали, которая гневается на то, что серьга бродит по свету и помогает творить зло. Замбиле, сильной колдунье, удалось проследить странствия серьги на протяжении веков. Когда-то она принадлежала самому Франсуа Видоку, французскому преступнику, ставшему знаменитым сыщиком, и именно цыганская серьга приносила ему неслыханное везение во всем, за что бы он ни брался, но в конце концов именно она его и погубила... Как узнала Замбила, сейчас серьга удачи находится у банкира, дела которого довольно сомнительны, однако идут в гору. Но как забрать у него амулет, охраняемый лучше любых сокровищ? И тут на глаза старой колдунье попала Галка, дочка беспутной рыночной торговли...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84502-6

© Спасская М., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

28

Мария Спасская

Серьга удачи знаменитого сыщика Видока

© Спасская М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Париж, 18... год

Стрелка часов на Дворце правосудия приближалась к полуночи. Париж погрузился во мрак. Феишенбельные районы города опустели, лишь изредка ночную тишину аристократической части столицы нарушал drobный стук копыт лошадей, запряжённых в роскошный экипаж. Но был ещё и другой Париж. Преступный. Тёмный. Страшный. Париж трущобный, в котором жизнь не замирала даже ночью. Где стылый осенний ветер трепал развешенные на верёвках залатанные простыни, срывал афиши, гремел обветшалой черепицей, сбивая с ног припозднившихся прохожих, торопящихся как можно скорее добраться до дома. Те же бродяги, у которых не было своего угла, стремились укрыться в грязных погребках, где за несколько су можно найти немудрёную пищу, стаканчик дрянного вина и крышу над головой.

Люсиль Гринье, прозванная Модисткой, почти бежала по тёмной узкой улочке, содрогаясь от холода и пережитого испуга. Преодолевая порывы ветра, женищина свернула в переулок, заканчивающийся тупиком. Придерживаясь за мокрую стену, свободной рукой подобра подол юбки и стала спускаться по щербатым ступеням в кабак, прозванный ворами самого низкого пошиба «Парадным залом тётушки Буше». Столь поздний час был необычен для Люсиль. Как правило, она заглядывала в погребок около восьми. Однако сегодняшний день сильно отличался от других, и в какой-то момент, сидя в полицейском управлении и отвечая на вопросы следователя, Модистка с ужасом подумала, что ночь ей придётся провести в тюрьме.

Но ей повезло. Большой Жан, с которым Люсиль жила последние два года и считала почти что мужем, во время допроса твёрдо стоял на своём – Люсиль не догадывалась о вчерашнем налёте на магазин готового платья, который они с друзьями тайком от неё задумали и осуществили. Если бы налётчиков не схватили с поличным, Большой Жан ни за что не признался бы в ограблении, но парни попались с товаром, и отпираться было бессмысленно. Однако Люсиль с ними не было, и доказать, что Модистка что-либо знала, оказалось проблематично. Промучившись с задержанной весь день, ближе к ночи следователь махнул рукой и отпустил восвояси.

В кармане передника звенело несколько мелких монет, на которые Люсиль собиралась заказать себе ужин, договориться о ночлеге и уже в спокойной обстановке обдумать, как ей жить дальше. Женищина толкнула тяжёлую дверь погребка и, шагнув в зал, с удовольствием втянула носом привычный тёплый запах дешёвого табака и крепкого мужского пота, ставшего уже родным. Забитый посетителями трактир лишь в первый момент казался тесным. Когда глаза привыкали к клубам табачного дыма, становилось заметно, что арочные своды переходят из одного зала в другой, образуя анфиладу. Когда-то выбеленные стены сейчас покрывал толстый слой копоти, и на податливой сажке посетители лезвиями ножей оставляли весьма фривольные замечания в адрес хозяйки и её девиц.

В дальнем конце заведения возвышалась на полусгнивших столбах ветхая эстрада, где лезли из кожи вон музыканты – два кларнетиста, тромбонист и барабанищик. А управлял немывыми артистами, помогая себе костылём, хромоногий старичок, мнивший себя

непризнанным маэстро. Несколько подвыпивших пар подпрыгивали в сумбурном танце. Безотчётным движением поправив чепец и по привычке кокетливо приспустив на плечах платок, Модистка медленно двинулась вдоль длинных грязных столов, за которыми веселились шумные компании. При этом она шла, не поднимая головы, точно признавая своё убожество. Женщина понимала, что некрасива. А ведь когда-то она была чертовски хороша!

Свежей, румяной девушкой приехала мадемуазель Гринье из тихого местечка Кот-д'Азур на юго-востоке Франции. Пышные формы, живые карие глаза, задорно вздёрнутый носик и буйные каштановые кудри снискали Люсиль славу первой красавицы деревни. Женихи так и вились вокруг хорошенькой крестьяночки, но отец наотрез отказался выдавать Люсиль за кого-то из односельчан. Разве его красавица дочь родилась для того, чтобы возиться в коровьем навозе и гнуть спину на виноградниках? Девушка с такой внешностью составит счастье любому парижанину. И чтобы найти подходящую партию, родители отправили Люсиль к кузине, по слухам, неплохо устроившейся в Париже.

Кузина Элен похлопотала за родственницу, и Люсиль Гринье взяли ученицей туда же, где работала и она сама, – в шляпную мастерскую рядом с Латинским кварталом. Сидя у окна с работой, провинциалка ловила на себе восхищённые взгляды проходящих мимо мужчин и от этого ужасно смущалась. Особенно неловко Люсиль чувствовала себя под испепеляющим взором пожилого господина в добротном сюртуке и с дорогими часами на толстой витой цепочке, засматривающегося на неё с самого первого дня. Старик прямо-таки пожирал девушку глазами и однажды, проходя мимо окна, протянул ей коробку конфет. И пригласил на свидание.

– Не будь душой, – шепнула оробевшей Модистке бойкая кузина. – Соглашайся!

– Но этот господин слишком стар для меня, – скривилась девушка, всерьёз полагавшая, что ей делают предложение.

Когда же Модистка поняла, что это совсем не так, было уже слишком поздно. Пожилого господина звали месье Фернан, он был управляющим в имении барона Гринюара. Свидания проходили в уютной комнатке, снятой месье Фернаном специально для своей юной пассии. Вскоре Люсиль изъявила желание навестить возлюбленного в его доме, и вот тогда-то и выяснилось, что старик женат и не собирается ничего менять в своей жизни. В первый момент Люсиль, как истинная католичка, почувствовала себя униженной и обесчещенной, но опытная кузина объяснила ей, что в Париже быть любовницей состоятельного господина вовсе даже не зазорно. И рассказала, что частенько богатые любовники не только живут с девицами годами, но и выдают любовниц замуж за собственных слуг, чтобы всегда иметь под рукой предмет обожания и не нести лишних расходов.

Сбитая с толку Модистка смирилась с сомнительной ролью тайной возлюбленной и встречалась с месье Фернаном до тех пор, пока однажды управляющий барона, выходя от Люсиль, не подвергся нападению неизвестных. Старик тут же отправился в полицейский участок и заявил, что именно Люсиль навела на него своих сообщников, ибо он слышал, как грабители упоминали её имя. Честная девушка долго не могла поверить, что её так подло и несправедливо оговорили. Она взывала к милосердию любовника, уверяла, что месье Фернану послышалось, но тот, преисполненный уверенности в своей правоте, оставался глух к её мольбам. Как Модистка ни просила о пощаде, её всё-таки доставили в Сальпетриер¹ и осудили на год заключения.

В тюрьме Люсиль, до этого мастерски изготавливавшая украшения для шляпок, близко сошлась с непревзойдённой взломщицей замков и применила свои таланты совсем в другой области, выучившись искусству из подручных материалов делать ключи любой сложности. На воле тюремная подруга и порекомендовала Модистку Большому Жану, на первых порах

---

¹ Женская тюрьма.

проявившему к новой знакомой сугубо профессиональный интерес. Однако вскоре молодых людей стали связывать не только деловые отношения. Точно отлитый из стали, Большой Жан был полной противоположностью сырому и рыхлому, как непропечённое тесто, месье Фернану. Люсиль сразу же влюбилась в высокого плотного молодца, каждый кулак которого походил на кузнечный молот. Эти кулаки и изуродовали до неузнаваемости некогда хорошенькое личико Модистки, ибо Жан был вспыльчив, как порох, и крайне скор на расправу. Да и за юбками он был большой охотник волочиться, и, полагая, что Люсиль такая же ветреница, как и его многочисленные подружки, ревновал преданную и верную Модистку к каждому прохожему. Их жизнь больше походила на непрекращающуюся войну, но другой жизни рядом с мужчиной Люсиль не знала и потому не представляла себе, что может быть как-то иначе.

Теперь, когда Большой Жан попался на краже и надолго покинул их уютный чердак, Модистка больше не чувствовала перед ним обязательств и потому решила завязать с опасным ремеслом и лихими парнями. Большого Жана нет рядом, платить за их каморку нечем, значит, ей нечего делать в этом квартале. Завтра же она отправится в кармелитский монастырь и станет послушницей, постаравшись спасти если не тело, то хотя бы душу. Приняв решение встать на путь исправления, Люсиль приободрилась, обвела глазами переполненный зал и опустилась на свободное место рядом с оборванной бродяжкой, жадно обгладывающей кость. Шуриша широкими юбками, к столу неспешно приблизилась невероятно толстая хозяйка заведения и, шмыгнув вечно текущим носом, похожим на сливу, сипло проговорила, обращаясь к Модистке:

– Ну, моя милая, тебе как всегда? Кувшинчик красного, половину булки и пахнет?

Модистка тайком пересчитала в кармане мелочь, стараясь перебирать монеты так, чтобы они не слишком-то звенели, и, жалко улыбкунувись, ответила:

– Сегодня, тётюшка Буше, я думаю обойтись без пахтета. Большого Жана забрали в тюрьму, с деньгами у меня теперь негусто. Хочу отказаться от комнаты. Приютите у себя на одну ночь?

– А поступай-ка ты ко мне работать, голубка! – оживилась старая сводня, критически оглядывая Люсиль. И ласково запела: – Слышала небось, как хорошо живут мои мальшики! Словно сыр в масле катаются! Если тебя приодеть, ты тоже будешь изрядная красotka. Наряды я тебе выдам напрокат, будешь сыта и довольна. Да и крыша будет над головой, а то, что заработаешь, станешь отдавать мне.

– Я не нуждаюсь в работе, мадам Буше! Мне нужен только ночлег, за который я готова заплатить, – звенящим от обиды голосом проговорила Модистка. Подумать только! Её, Люсиль Гринье, сравнили с кабацкими потаскушками!

– Как знаешь, дорогуша, как знаешь, – недовольно покачала растрёпанной головой хозяйка погребка, тяжело направляясь к стойке, чтобы выполнить заказ. Но далеко она не ушла. Должно быть, слова Люсиль задели её за живое, потому что, сделав пару шагов, старуха вдруг обернулась и, качнув многочисленными подбородками, хмуро добавила: – Помнишь мои слова – гордость ещё никого до добра не доводила. И не такие гордячки заканчивали деньки свои на каторге!

Проголодавшаяся Модистка сделала вид, что не расслышала обидное замечание, жадно сглотнув слюну и глядя, как оборванка по соседству с ней с наслаждением облизывает измазанные жиром пальцы. С шумом отодвинув опустошённую тарелку и громко рыгнув, бродяжка допила вино и, хитро посмотрев на Люсиль, толкнула острым локтем под руку.

– Смотри-ка, краля, вон тот худыш как на тебя пялится! – захихикала она. – Прямо раздевает глазами! Не будь тетерей, не упусти лихого эжеребца!

Модистка обернулась туда, куда указывала соседка по столу, и поймала на себе изумительный взгляд измождённого доходяги, перед которым стоял лишь только пустой стакан,

и больше ничего. Он был, кажется, так же беден, как и сама Люсиль. Модистка разочарованно отвернулась, но взгляд незнакомца был так настойчив, что вынудил её снова поднять на него глаза. На этот раз голодранец широко улыбнулся и приветственно коснулся двумя пальцами сломанного козырька заляпанного грязью картуза. Стараясь скрыть смятение, Модистка ответила едва заметной улыбкой. Приняв простую вежливость за приглашение, оборванец поднялся со скамьи и, пробравшись мимо сидящих за его столом мужчин, явно с ним незнакомых, направился к Люсиль.

– Во! Во! К тебе идёт, – снова хихикнула соседка, поднимаясь с места. – Пожалуй, пойду, чтобы не мешать вам, голубки!

Модистка смотрела, как сутулый хромоногий доходяга, хватаясь грязными руками за углы и покачиваясь то ли от голода, то ли от выпитого вина, приближается к её столу, и не чувствовала ничего, кроме безразличия.

– Лопни мои глаза, если ты не девчонка Большого Жана, – плюхаясь на освободившееся место и обдавая Модистку кислым запахом перегара и давно не мытого тела, глухо проговорил незнакомец, не отрывая жадного взгляда от кувшина с вином и краюшки хлеба, которые хозяйка, шумно отдуваясь, несла к ним на подносе.

– Ты знаком с моим Жаном? – без особого интереса осведомилась Люсиль, предвкушая скорую трапезу.

– Было дело, паслись в одних лугах, – усмехнулся доходяга. – Не веришь? Спроси у своего, знает ли он Рудольфа? И Жан тебе скажет: «Как не знать! Знаю так же хорошо, как самого себя! И даже лучше!» Но хватит обо мне. Лучшие скажи, красотка, тебя-то как зовут?

– Люсиль. Люсиль Гринье, – голос Модистки звучал очень тихо. Женищина так устала и издёргалась за этот бесконечный день, что ей едва хватало сил, чтобы говорить.

– Как славно, Люсиль, что я тебя встретил! – с оптимизмом подхватил Рудольф. – Раз ты здесь, значит, и Жан где-то поблизости крутится. Ну, и где же этот мазурик? Вчера я видел его рядом с тобой, но понял, что моему приятелю не до меня. Решил подойти сегодня.

– Подойти? Зачем? – удивилась женищина, разглядывая худое, давно не бритое лицо Рудольфа с отчаянно косящим глазом и большим, вытирающим носом, покрытым кровавыми струпами.

– Хотелось повидаться со старым дружком, – подмигнул тот здоровым оком. – Ещё в тюрьме Большой Жан обещал мне помочь на воле, когда освобожусь.

– Забрали Жана, – всхлинула Модистка, с отвращением рассматривая страшные язвы на его носу. – Сегодня утром поймали с товаром.

– Вот как! А я на него рассчитывал, – Рудольф в задумчивости запустил чёрную от грязи пятерню под картуз, почёсывая бритый арестантский затылок. – Нехорошо получилось. В моих карманах ветер свищет, и со вчерашнего дня я ничего не ел...

Хозяйка заведения дошла наконец до их стола и с грохотом поставила перед Люсиль кувшин с вином и пустой стакан. Затем швырнула на столешницу хлеб, и, подхватив опустевший поднос, уже повернулась, чтобы уйти, но Модистка остановила её, ухватив за запястье.

– Тётушка Буше, принесите ещё один стакан, – попросила она.

– Что? Ещё один? – сердито сдвинула брови толстуха, вырывая руку. И раздражённо буркнула: – Самой есть нечего, а приваживает всяких голодранцев...

– Рудольф никому не позволит называть себя голодранцем, – вскинулся на лавке доходяга, но, покачнувшись, чуть не упал навзничь, едва не опрокинув кувшин.

– Сиди уж, Рудольф, – фыркнула кабатчица. – И благодари небо, которое послало тебе эту добрую женищину. Будь я на её месте, я даже не посмотрела бы в твою сторону.

И, обращаясь к Люсиль, добавила:

– Поешь и поднимайся в боковую комнату. Утром заплатишь. Рассчитаешься за всё сразу.

Люсиль кивнула, наполнила стакан вином и придвинула к новому знакомому, протянула ему хлеб. Себе она отщипнула небольшой кусок мякиша, и, положив мякиш в рот, стала с наслаждением сосать, дожидаясь своего стакана. А Рудольф, с аппетитом улетая краюху, всё подливал и подливал себе из кувшина, и к тому моменту, когда хозяйка вернулась с пустой посудой, вино уже закончилось. Голодная Модистка вытряхнула из опустевшего кувшина в стакан несколько последних капель и с жадностью слизнула их, надеясь хотя бы почувствовать во рту вкус вина.

– Ну что же, мне пора, – поднимаясь со скамьи, проговорила Люсиль. – Надеюсь, Рудольф, ты неплохо сумеешь устроиться в Париже.

– Даже не сомневайся, – подмигнул приканчивающий её ужин оборванец. – Да, вот ещё что. Нельзя ли у тебя заночевать?

– У меня нет дома, Рудольф, – женищина независимо дёрнула плечом. – С сегодняшнего дня я такая же бездомная, как и ты.

Говоря это, Люсиль внимательно следила, как из дальнего конца зала к выходу идёт высокая статная дама, одетая прилично и со вкусом. Лицо дамы казалось надменным, светлые волосы были собраны под богато расшитым чепцом, серые глаза рассеянно скользили по лицам осоловевших от вина посетителей. Заметив Рудольфа, незнакомка замедлила шаг и принялась внимательно в него всматриваться, точно узнавая и одновременно боясь поверить в то, что это именно тот, о ком она думает. Заинтригованная Люсиль напряжённо следила за женищиной, с интересом ожидая, что же будет дальше. Словно на что-то решившись, блондинка шагнула к оборванцу и, задыхаясь от волнения, проговорила:

– Месье Рудольф! Неужели это вы?

– Что такое? – вскинул брови приятель Большого Жана. – Кто вы, мадам, и что вам нужно?

– О, мой Бог! Это действительно вы! – радости блондинки не было предела. – Ну же, вспомните! Я Жозефина, супруга Альфонса Расиньяка! Того самого, которого вы спасли от тюрьмы, взяв на себя его вину и вместо Альфонса угодив на каторгу!

– А! Мадам Жози! – Улыбка узнавания скользнула по бледным губам каторжника. – Рад встрече. Как поживает мой приятель Альфонс?

– Благодарю вас, замечательно! Сейчас он поправляет здоровье на водах, а я в Париже по делам.

Блондинка понизила голос и доверительно произнесла:

– Надеюсь поживиться за счёт одной доверчивой графини. Я остановилась в меблированных комнатах на улице Герен-Буассо. Графиня проживает в доме напротив, и мне всего лишь нужно дождаться подходящего момента.

Она задорно подмигнула, давая понять, что для графини подобное соседство выйдет боком.

– Была рада с вами повидаться, дорогой Рудольф. Супруг мне не поверит, когда я расскажу ему о нашей неожиданной встрече!

Мадам Расиньяк протянула Рудольфу тонкую руку, прощаясь, и вдруг лицо её застыло, как будто она вспомнила какую-то важную вещь.

– Послушайте, а помните, как вы ссудили мужу двадцать франков? Ведь он вам денег так и не вернул?

– Да ну, я не в претензии, Альфонс не думал меня обидеть, – добродушно отмахнулся Рудольф. – Он просто не имел возможности заплатить по счетам. Как только встретимся – отдаст.

– Зачем же ждать так долго? – заторопилась мадам Расиньяк. Она достала из расшитой бисером сумочки-мешочка двадцать монет и положила на стол. – Вот, возьмите. Альфонс не простит мне, если узнает, что мы виделись и я не вернула вам долг.

Ни один мускул не дрогнул на измождённом нищетой и лишениями лице бывшего каторжника. Он с достоинством кивнул поспешившей откланяться знакомой и, обращаясь к Люсиль, проговорил, потрепав её по щеке:

– Теперь, моя куколка, заказывай в этом райском местечке всё, что душе угодно. Вино, бульон, курицу, пирог! И большие не волнуйся о ночлеге – Рудольф не бросит тебя в беде.

Москва, конец 80-х

– Вставай давай, – голос матери звучал надтреснуто и глухо.

Галка приоткрыла один глаз и зажмурилась, стараясь не дышать. Душная струя табачного дыма, выпущенная из маминых губ, ударила Галке в лицо. Наволочка и пододеяльник, и без того давно не стиранные, тут же впитали запах табака и стали вонять ещё невыносимее. Мать поправила сползшую с полного плеча бретельку бюстгальтера, отхлебнула из пивной бутылки и кинула на Галкину кровать клубничный «Фруттис».

– Быстро ешь и одевайся! – приказала она. – Я на работу опаздываю.

– Ну, ма! – привычно затынула Галка. – Можно ещё хоть чуточку поспать?

– Всякая семилетняя засранка будет мне указывать, что ей можно, а что нельзя! – рассвирепела мать, меняясь в лице и делаясь из благодушной лютой.

– Веруунчи-ик! – с сильным кавказским акцентом донеслось из комнаты. – Принеси рассолу!

Лицо матери снова разгладилось, она затынулась сигаретой и лениво откликнулась:

– Может, пивка, Аслан?

– Какой пивка, – обиделись за стенкой. – Я за рулём! Вот жэнщина! Ничего не помнит! Неси рассол, и я поеду!

Мать развернулась и, покачивая пышными бёдрами, обтянутыми крохотными трусиками, выплыла из комнаты, удаляясь в сторону кухни. Через минуту на кухне загremели банки, и мать снова продефилировала мимо Галки, теперь уже с наполненной чашкой в руках.

– Давай, Верунчик, ходи быстрее, – торопил маму Аслан. – Что ты ползаешь, как муха сонная?

Галка села на кровати и принялась открывать йогурт, размышляя, чем бы его съесть. Оглядевшись по сторонам, ничего подходящего не увидела. В прихожей, где стоял её диван, были только сваленные кучей сапоги и туфли вперемежку с тапками, да на рогатой вешалке грудились зимние пальто. Держа перед собой открытую ванночку с йогуртом и опасаясь разлить её содержимое, Галка выбралась из-под одеяла и босиком направилась на кухню. Пробегаючи мимо комнаты, девочка мельком заглянула в приоткрытую дверь. Мама лежала на кровати поверх гостя и стонала так, будто ей было больно. Аслан возился под ней и издавал звериное рычание. Галка знала, что в такие минуты маму лучше не беспокоить, и поскорее миновала опасную зону.

Вбежав на кухню, девочка чуть не упала, споткнувшись о пустую водочную бутылку на полу, оглядела заставленный тарелками со вчерашними объедками стол, сунулась в раковину, в которой высилась гора грязной посуды, и, выудив из кучи гнутую алюминиевую ложку в бурых разводах, села на табуретку завтракать. Шевеля усиками, мимо побежал резвый таракан, и Галка капнула на пол йогурта на его пути, угощая. Таракан приник к капле и начал есть.

– Приятного аппетита, – пожелала ему Галка, ибо так всегда говорила бабушка, усаживая внука за стол.

Галка вылизывала ванночку, когда мать вышла из комнаты совершенно голая и, не стесняясь дочери, скрылась за дверью ванной. Застёгивая брюки, на кухню заглянул Аслан. Брезгливо обвёл чёрными маслинами глаз загаженную кухню, поскрёб толстым пальцем сизую щетину на щеке, тапкой раздавил таракана и посмотрел на Галку так, что девочка сжалась на табуретке, стараясь казаться как можно меньше.

– Есть чего пожрать? – бесцеремонно осведомился гость, делая шаг к старенькому холодильнику. Распахнул дверцу и тоскливо обвёл взглядом пустые полки. И, повернувшись к Галке, спросил:

– Как ты тут живёшь, ребёнок?

Галка торопливо одёрнула куцую, некогда белую майку, из которой выросла ещё два года назад, и стыдливо прикрыла дырявые трусики грязным кухонным полотенцем. Аслан усмехнулся и, покачав головой, скрылся в комнате. А Галка выбежала в коридор, подняла с пола свои старенькие шортики, некогда служившие ей в качестве джинсов, и яркую футболку, из-за пестроты не слишком грязную на вид, и торопливо натянула вещички на худенькое тело. Затем, стоя перед зеркалом, с трудом расчесала рыжие кудри, безжалостно выдирая стальными зубцами расчёски клочья волос. Собрав кудри в хвост, обула резиновые уличные шлёпки и застыла у двери в ожидании матери.

Мать вышла из ванной с накрашенным лицом, но всё ещё голая. Её большие покачивающиеся груди с тёмными сосками были похожи на разевшиеся мышьи морды. Не обращая внимания на дочь, мать прошла в комнату, откуда через минуту снова послышался скрип пружин их древней кровати, звериный рык и жалобные стоны. Чтобы отвлечься, Галка взяла книгу, раскрыла на заложенной странице и с головой погрузилась в приключения Робинзона Крузо. Любовь к чтению Галке передалась от бабушки. С самого раннего детства девочку окружали книги, и сначала бабушка читала волшебные истории вслух, а затем научила читать и внуку. Мать никогда особенно не интересовалась Галкой, где-то пропадая неделями и даже месяцами, но после смерти бабушки ей волей-неволей пришлось взяться за воспитание дочери.

В сад Галку не водили, ведь для этого была необходима диспансеризация, а на обход врачей у Веры никогда не хватало времени. С утра до вечера она торговала на вещевом рынке, а после работы приводила домой друзей. Одним из таких друзей был Аслан. Он держал точку с кожаными куртками и считался на рынке завидным кавалером. Были ещё Рафики, Гоги, Сашки и Вованы. При бабушке они не появлялись в их доме, мать сама гостила у друзей. Теперь мужчины менялись каждый вечер, и Вера не считала нужным скрывать от дочери изнанку взрослой жизни. Галка свою мать не любила и относилась к ней как к досадной необходимости, с которой нужно мириться, если хочешь и дальше жить среди милых сердцу бабушкиных вещей и книг.

– Ну что, поехали? – вырвал девочку из мира грёз голос матери.

Мать наконец-то оделась и теперь стояла перед Галкой в белых обтягивающих джинсах, водопадом спускающихся на высоченные каблуки модных туфель. «Не туфли, а свиные копытца», – мелькнуло в голове у Галки, украдкой разглядывающей мать. Беззастенчиво выложив свою большую грудь в декольте жёлтого пиджака, Вера поливала лаком слегка подкрученную щипцами стрижку.

Не выпуская из зубов дымящуюся сигарету, Аслан расселся на Галкиной кровати и, помогая себе обломком «ложки», натягивал дорогие туфли. Обувшись и встав перед зеркалом, он сунул руку в карман брюк и вытащил бумажник. Вынул из него мелкую купюру и вручил матери.

– На вот, Верунчик, – благодушно улыбнулся гость. – Девчонке своей новую майку с трусами купи. И еды. Жрать у вас нечего.

– Как это нечего? А варенье? А кетчуп? – огрызнулась мать. И тут же сменила тон дерзкий на ласковый, выдергивая купюру из пальцев кавалера и призывно улыбаясь. – Но всё равно мерси, Асланчик!

Галка исподлобья наблюдала, как мать, сунув деньги в кошелек, ловко закинула похожую на кожаный баул сумку на плечо и, обильно оросив себя духами, распахнула входную дверь, выпуская гостя.

На улице Вера закурила и устремилась следом за Асланом к сверкающему чёрному «Мерседесу». Тот отпер машину и уселся за руль. Мать распахнула переднюю дверцу и устроилась рядом. Галка хотела было забраться на заднее сиденье, но Аслан вдруг закричал на мать со своим кошмарным горским акцентом:

– Э! Верка! Куда? Совсем рамсы попутала? А ну-ка выметайся из салона! Я здесь детей своих вожу! И жену с тещей! В этой машине шалавам не место!

Горькая обида сжала сердце девочки ледяными пальцами, на глаза навернулись жгучие слёзы. Глядя, как мать на своих каблучках-копытцах торопливо выбирается из машины, улыбаясь жалко и заискивающе, девочка кусала губы, чтобы не заплакать, и в душе давала себе слово, когда вырастет, стать кем угодно, только не гулящей шалавой, как её мать.

Париж, 18... год

Обитая под самой крышей с Большим Жаном, Люсиль и представить себе не могла, что их маленькая каморка может быть не просто жалким пристанищем для ночлега двух обездоленных бродяг, а любовным гнёздышком. Рудольф, прочно занявший место арестованного приятеля, словно осветил жизнь Модистки ярким светом. Он выполнял все капризы и прихоти Люсиль, возил к портнихе, баумачнику, покупал цветы и пирожные, и целую неделю женищина чувствовала себя королевой. Лишь однажды ощутила себя несчастной, да и то ненадолго. Как-то вечером Люсиль вслух заметила, что больше всего на свете любит круассаны со взбитыми сливками, и была немало озадачена, когда рано утром Рудольф стал тайком одеваться, передвигаясь по комнате на цыпочках, чтобы её не разбудить. Люсиль притворилась спящей, полагая, что надоела возлюбленному и он собирается её бросить. Стараясь ступать неслышно, Рудольф прокрался к двери и выскользнул в коридор, и только тогда Люсиль залилась слезами. Но каково же было её удивление, когда через четверть часа любимый вернулся с корзинкой свежайших круассанов и подал выпечку ей в постель! С тех пор Рудольф каждое утро уходил за круассанами со взбитыми сливками. А когда возвращался, они, смеясь и целуясь, завтракали в постели. Потом одевались и покидали мансарду на весь день, чтобы, взявшись за руки, бродить по городу, пить кофе в уютных кофейнях и любоваться красотами Парижа. Обратно на чердак поднимались лишь к ночи и предавались безудержной любви.

Люсиль старалась, как могла, обустроить их не слишком-то уютное гнёздышко. Купила сафьяновую оттоманку на буковых ножках, на которую давно засматривалась, проходя мимо магазинчика на углу, и к ней кофейный столик, чудесным образом преобразивший их убогое жилище. Застелила постель сатиновым бельём и завела фарфоровые тарелки и покрытые тонким слоем серебра приборы. И вот, когда их чердачный быт был совсем уже налажен, деньги закончились, и нищета снова протянула к влюблённым свои костлявые пальцы. Как-то утром, сидя на застеленной новым бельём кровати и поглаживая Люсиль по плечу, Рудольф проговорил:

– Мы не можем жить без денег, малыша. Тебе необходимо хорошо питаться. И нужно заказать зимнее пальто. Сведи меня с друзьями Большого Жана. Мы с парнями сделаем дельце, и монеты снова зазвенят у нас в кармане.

Мужчина накрутил на палец длинный каштановый локон Люсиль и, склонившись к девушке, нежно поцеловал её в губы. Она страстно ответила на поцелуй. Она уже больше не замечала ни сутулой спины любимого, ни косящего глаза, ни изрытого язвами носа, ни ужасающего шрама, обезображивающего его лицо. Она видела только любящего заботливого Рудольфа, её Рудольфа, преданного ей без остатка, целиком.

– Но, Рудольф, я думала начать жить честно, – жалобно протянула Модистка, отстраняясь от его объятий. – Я хорошо умею делать шляпки и могла бы принимать заказы на дому...

– Даже слышать об этом не хочу, – сердито перебил подругу Рудольф. – Принимать заказы? Чтобы твои прелестные глазки ослепли, а стройная фигурка согнулась и спина превратилась в безобразный горб? И думать об этом забудь!

Чтобы не расстраивать любимого, Люсиль покорно кивнула, с восторгом принимая ласки необычайно нежного Рудольфа, который, несомненно, заботился исключительно об её благе. Ну что же, если Рудольф хочет, она сведёт его с нужными людьми. Тем же вечером Люсиль подтянула шерстяные чулки, перетянула поясом талию пунцового платья, накинула на плечи серую шаль с белой каймой, поправила около зеркала волосы и одним ловким движением сбила набок косынку, покрывавшую голову, что придавало ей шаловливый и кокетливый вид. После всех приготовлений неразлучная парочка отправилась в трактир к тётушке Буше.

Приятелей Большого Жана Модистка увидела сразу же, как только вошла в прокуренный смрадный зал. Хромой Луи и Этьен Красавчик сидели с двумя гулящими девицами, подосланными к клиентам хозяйкой. Люсиль устроилась неподалёку от воров, усадив рядом Рудольфа, и стала ждать, когда мадам Буше подойдёт к ним, чтобы принять заказ. Выставив вперёд необъятный живот, владелица кабачка неторопливо приблизилась к их столу.

– Что желаете, голубки? – вульгарно подмигнула толстуха.

– Кувиши вина, – коротко бросил Рудольф.

– Только и всего? – В голосе хозяйки прозвучало недовольство. – А что-нибудь пожевать?

– Не нужно ничего. И девок своих заberi от Этьена Красавчика и его приятеля, мне необходимо переброситься с парнями парой слов.

Кабатчица уперла кулак в жирный бок и немигающим взором уставилась на спутника Модистки.

– Кто ты такой, чтобы мне приказывать? – визгливо возмутилась она. – Каждый залётный каторжник будет ещё мной командовать!

– Делай, что тебе говорят, если не хочешь, чтобы красный петух потоптал твой погребок, – недобро прищурился Рудольф, и от его угрожающего голоса холодок пробежал по спине Люсиль. Модистка и не подозревала, что её возлюбленный может быть так жесток.

Сердитый окрик подействовал. Подобрав юбки и боязливо оглядываясь на Рудольфа, хозяйка так быстро, насколько позволяли её необъятные тела, устремилась к столу друзей Большого Жана. Усадив девиц на колени, мужчины сипло хохотали под пронзительный визг кабацких красоток. Наваленные горой объедки возвышались на залитом вином столе, не прибиравшемся, должно быть, с самого утра. Старуха приблизилась к пирующим и принялась торопливо собирать грязную посуду.

– Матушка Буше! Принеси-ка нам ещё вина! – распорядился Хромой Луи.

– Не видишь, толстая, нас мучит жажда! – подхватил приятель, вынимая изо рта комок жевательного табаку, именуемого «черносливом», и галантно отправляя в рот сидящей у него на коленях подружке.

– Будет вам вино, – пробурчала хозяйка и, глядя на раздумявшихся девиц, распорядилась: – Эй вы, обе! А ну-ка пошли вон! Отправляйтесь в кладовку и приведите себя в порядок! Растрепались так, что смотреть противно!

– Да брось, старая, они и так нам нравятся! – отмахнулся Красавчик, бесцеремонно залезая в широкий вырез своей подруги и сгребая в пятерню её роскошные груди.

– Марш к себе, я сказала! – гаркнула старая мегера, и кокоток как ветром сдуло.

Виртуозно балансируя стопками грязных тарелок и захватанных стаканов, хозяйка двинулась в сторону кухни. А вместо неё перед столом воров, точно из-под земли, возник Рудольф.

– Эй, приятель, не будет ли табачку для трубки? – развязно обратился он к Красавчику. Тот пристально взглянул на подошедшего и выдохнул, усмехнувшись:

– У меня не табачная лавочка, друг. Купи табак у тётушки Буше.

– Звенели бы в кармане монеты, – процедил сквозь зубы каторжник, – Рудольф не стал бы одалживаться.

– Рудольф? – оживился собеседник, перестав ухмыляться. – Я знаю тебя, парень. Видел в Бисетре. Ну, чего вылупился? – Он с силой хлопнул Рудольфа по плечу. – Напряги-ка мозги! Я Гевив! Этьен Гевив, прозванный Красавчиком!

– Красавчик, ты? Не забыл старину Рудольфа? – Возлюбленный Модистки сделал вид, что безмерно удивился и обрадовался, повстречав знакомого.

– Твою, парень, чумазую физиономию сложно забыть! – хлопнул Рудольфа по спине хромоногий приятель Красавчика. – Я тоже тебя признал. Я Луи.

– Луи! И ты, бродяга, здесь! – просиял Рудольф. – Вот повезло так повезло! Искал я Большого Жана, а нашёл, парни, вас.

– Большого Жана стараниями Видока, будь он проклят, упекли в острог, – помрачнел Этьен Красавчик. – Его девчонка надолго осталась одна. Люсиль Модистка, может, слышал?

– Не только слышал. Я взял Люсиль под свою защиту, – приосанился Рудольф. – Теперь она со мной.

– Постой, – насторожился Луи, – а разве ты не должен быть на каторге? Когда мы с Красавчиком выходили на волю, ты вроде бы ещё тянул там лямку...

Оглянувшись по сторонам, Рудольф подсел к приятелям и, приблизив свою бритую голову к их пышным шевелюрам, сердито зашептал:

– Трепись, дружок, поменьше! Повсюду рыскают ищейки Видока! Да и сам этот продажный пёс горазд переодеваться так, что сроду не узнаешь, кто перед тобой сидит! А ты болтаешь: «должен быть на каторге»! Видок услышит – и мне тогда какую!

Приятели с пониманием кивнули. Эжен Франсуа Видок, начальник сыскной полиции, и в самом деле наводил немалый ужас на весь преступный Париж. Этот непредсказуемый тип словно не имел лица, стремительно меняя маски и представляя кем угодно – молоденькой девушкой, почтенной матроной, грязным клошаром или благородным господином из самого высшего общества. Видок не знал ни страха, ни усталости, с утра до вечера выслеживая преступников по самым зловещим парижским закоулкам. О нём слагали легенды, многие из которых очень походили на правду.

– Я дёрну дал с галер, – шёпотом продолжал Рудольф. – Но только об этом не стоит много трепаться. Молчок, понятно? Держите язык за зубами. Так вы не в курсе, где раздобыть деньжат? С неделю назад жена старины Расиньяка вернула мне должок, и мы с Люсиль отлично погуляли. Но денежки закончились, и надобно срочно что-то предпринять.

Воры переглянулись, и Этьен Красавчик протянул:

– Мы всегда смотрели на тебя, Рудольф, как на доброго парня. И знаем, что на твоём братце, веку было много несчастий. Но ведь не всегда тебя будет преследовать злополучный рок, – он почесал пышные бакенбарды и пристально взглянул в глаза Рудольфу. – Коли хочешь, можем дать тебе кое-что заработать.

– Было бы неплохо, – обрадовался каторжник, бесцеремонно угощаясь табаком из лежащей тут же, на столе, табакерки. – Признаться, я отоцал, как щепка.

Подождав, пока он набьёт трубку и закурит, воры перешли к обсуждению.

– Есть на примете одно дельце, – понижая голос, проговорил Хромой Луи. – Ты готов пойти с нами к антиквару на улицу Верьери?

– Есть чем поживиться? – Рудольф выпустил из ноздрей густую струю дыма.

– Даже не сомневайся, товар отменный. Веснухи, скуржаны да сверкальцы². И скинуть тырман³ можно сразу – есть надёжный перекупищик.

---

² Часы, серебро, драгоценности.

³ Ворованное.

– Когда идём?

– Да хоть сейчас.

Сидя в отдалении, Люсиль с тревогой наблюдала, как мужчины поднялись из-за стола и направились к выходу. В дверях Рудольф замешкался и, подбежав к Модистке, высыпал на стол две монеты по одному франку – всё, что у него осталось от денег мадам Расиньяк. И, вынув трубку из рта, склонился к самому лицу подруги.

– Как следует поужинай, малыша, и отправляйся спать, – нежно проговорил он. – За меня не волнуйся, к утру я вернусь.

И, торопливо поцеловав Люсиль в губы, выбежал из зала. Женищина допила вино, съела порцию паштета и, расплатившись с хозяйкой, вышла на промозглую улицу, чтобы отправиться в их комнату на чердаке и там, изнемогая в тревожном неведении, дожидаться возвращения любимого.

Москва, конец 80-х

Сокольнический рынок ничем не отличался от множества других московских барахолок. Единственным его козырем являлась близость к площади Трёх Вокзалов. Следовательно, и публика в Сокольниках отоваривалась соответствующая – приезжие. Приезжим можно было продать всё что угодно без риска нарваться на скандал. Торопящимся на поезд покупателям некогда рассматривать каждый шов на только что купленной кофте, как это делали дотошные москвичи. Транзитные пассажиры с трёх вокзалов просто запихивали понравившуюся вещь в необъятную сумку, отдавали продавцу деньги и спешили дальше, озабоченные лишь тем, чтобы за короткое время между пересадками успеть купить как можно больше.

На Сокольническом рынке было всё что угодно. Начиная от поддельных тайваньских «Панасоники» до вполне приличных варёных джинсов, которыми как раз и торговала Галкина мать. Когда Вера с дочерью добрались до точки, на рынке уже полным ходом шла торговля. Центральный ряд пестрел товаром, и только Верина сколоченная из грубых брусьев подставка, прозванная рыночными завсегдатаями «гравипапой», чернела похожим на виселицу контуром на фоне кирпичной стены административного корпуса рынка.

– Здравствуй, Верунчик! Привет, Галчонок! Что-то вы поздно сегодня! – слышалось со всех сторон.

– Мой покупатель ещё не проснулся! – хамовато отшучивалась мать, неторопливо шествуя по ряду с сигаретой в зубах.

– Ох, Верка, расскажем всё хозяину, выгонит тебя Андрей, – беззлобно грозились соседи.

При упоминании Андрея лицо матери омрачилось, и губы, выпуская клубы табачного дыма, сами собой прошептали чуть слышные проклятия. Андрей был преуспевающим мужем Вериной школьной подруги, которой повезло в этой жизни выйти замуж за состоятельного предпринимателя, а не за водителя троллейбуса, сбежавшего во время первого загула жены, как это случилось с Верой. И школьную подругу Маринку, и её оборотистого муженька Вера люто ненавидела уже за то, что они дали ей работу, тем самым унизив и как бы сделав человеком второго сорта. Галка слышала, как по ночам, напившись, мать злобно материла длинноногую стройную Маринку, пахнущую дорогими духами и отдыхающую за границей чаще, чем Вера в Серебряном бору.

– Ну почему одним – всё, другим – ничего? – хрипло вопрошала Вера закрытую балконную дверь, грозя ей кулаком.

Потом мать плакала в подушку, и Галка её жалела, детским сердцем чувствуя, что мама очень несчастна. Но утром, когда девочка подходила к матери и прижималась худеньким тельцем, ластясь и ожидая ответной ласки, Вера снова становилась непробиваемой и чёрствой, с грубыми ругательствами отпихивая дочь.

Дойдя до торгового места, Вера начала раскладываться. Поставив Галку рядом с гравипой, устремилась в камеру хранения, и вскоре вернулась вместе с поджарым узбеком Каримом, везущим на тележке огромные мешки. В ожидании матери Галка уселась на деревянный ящик от польских яблок и вынула из целлофанового пакета томик Даниэля Дефо. Раскрыв книгу на заложенной обрывком газеты странице, девочка собралась было приступить к чтению, но, обернувшись, поймала на себе внимательный взгляд старой цыганки.

Старуха курила рядом с двумя чернявыми молодухами своего племени под развешанными клетчатыми шарфами из пушистого индийского мохера, хотя обычно уединялась с самыми разными людьми в самодельной палатке, искусно сооружённой из цветастых платков. Несколько раз Галка видела старую цыганку прохаживающейся по рынку в компании двух шумных золотозубых цыган. Старуха неторопливо шла между рядами с неизменной дымящейся сигаретой в пожелтевших от никотина пальцах, и Галка слышала, как продавцы за её спиной уважительно шепчутся:

– Смотри, смотри! Это сама Замбила! Цыганская ведьма! К ней со всего Союза лечиться приезжают! Говорят, она посильнее Джуны будет!

Поймав на себе задумчивый взгляд цыганской ведьмы, девочка улыбнулась и вежливо кивнула, здороваясь. И принялась за увлекательную книгу, стремясь как можно скорее узнать, чем же закончились приключения пережившего кораблекрушение корабельного врача. Подошпевшая с мешками мать вырвала Галку из общества Робинзона и Пятницы, сунув ей стопку джинсов.

– Подавай по одной штучке, – распорядилась она, закидывая дамскую сумку на столб гравипапы, и стала развешивать штаны на перекладине.

Покончив с джинсами, Вера принялась за рубашки и наконец перешла к джинсовым курткам. Криво пристроив на тощие плечики последнюю джинсовку, мать сняла со столба сумку, вынула из бумажника выданные Асланом деньги и протянула дочери.

– Ну-ка, Галка, одна нога здесь, другая – там! Сбегай в киоск у метро, купи джин-тоник, – Вера привычным жестом вынула из кармана зелёную с золотом плоскую сигаретную коробку, вытащила сигарету и, скомкав пустую пачку, кинула себе под ноги. – И «Данхилл» с ментолом не забудь.

– Джин-тоник взять один? – деловито уточнила девочка.

– Что ты придумываешься? – В серых глазах матери мелькнула вспышка гнева. – Бери пять штук. Как обычно.

Галка приняла у матери деньги и, зажав купюру в кулаке, чтобы не потерять, припустилась по рынку в сторону метро. Пробегая мимо мохеровых шарфов и разложенной на столике косметики – лаков с блёстками, помады и туши, – снова поймала на себе пристальный взгляд старой Замбилы. Под пёстрой футболкой по спине девочки поползли мурашки, и Галка припустила ещё быстрее.

У метро высился ряд палаток, и у крайней, обустроенной под кафе, тянул из бутылки минералку мамин Аслан. Галка пробежала мимо кавказца и устремилась к палатке с яркой витриной, где были выставлены польские ликёры, фирменные сигареты, датский шоколад и прочие вкусности и вредности, как в редкие минуты благодущия называла их мама. Девочка поднялась на цыпочки и протянула в окошко купюру.

– Пять джин-тоники и пачку «Данхилла», – пискнула она. И добавила, секунду подумав: – И пакет.

Получив желаемое, Галка развернулась и двинулась обратно к рынку, но тут её окликнули. Обернувшись, девочка увидела, что её манит к себе Аслан. Галка подошла к маминemu приятелю, поедающему сочный чебурек. На пластиковой тарелке перед мужчиной лежали ещё три аппетитных чебурека и пахли так, что Галка чуть не захлебнулась слюной. Заметив кину-

тый девочкой на еду взгляд, Аслан указал на стол и предложил, запивая пирог с мясом дымящимся кофе:

– Бери, Галя. Ешь. Твоя непутёвая мать тебя не накормит. Так и будешь голодная весь день бегать.

Галка благодарно посмотрела на мужчину и, ухватив крайний чебурек, пробормотала:

– Спасибо большое, дядя Аслан...

И устремилась дальше, на ходу с наслаждением поедая вкусное, хорошо пропечённое тесто с острой мясной начинкой. В длинном ряду самодельных прилавков и грубо сколоченных гравиап виднелся джинсовый развал, и девочка держала курс на куртки из варёного денима и клетчатые рубашки, сшитые в Малайзии под лейблом «Wrangler». Приближаясь к матери, Галка почувствовала смятение, всё сильнее и сильнее овладевающее ею, ибо взгляд Веры не предвещал ничего хорошего. Сидя на складном табурете, мать хищно прищурилась, глядя на жующий рот дочери; и Галке каждый новый кусок чебурека проглатывать было труднее, чем предыдущий. Девочка подошла к джинсовому развалу и застыла, не зная, как себя вести. Мать поднялась, шагнула вперёд и, размахнувшись, ударила дочь по лицу так, что та выронила остатки еды на заплёванный асфальт.

– Дрянь такая! – Лицо Веры перекошилось от злости. – Я за чем тебя посылала? За джин-тоником! А ты что купила?

– За что, мама? – заплакала Галка, прижимая жирную от чебурека руку к горячей щеке и протягивая матери тяжёлый пакет с банками. – Я же принесла джин-тоник и сигареты!

– Откуда деньги на пироги? – сбавила обороты Вера, заглядывая в пакет и рассматривая его содержимое.

– Дядя Аслан угостил, – всхлипнула девочка, обиженно поглядывая на мать.

– Аслан? А где он? – встрепенулась женщина, вскрывая новую пачку «Данхилла», доставая короткими пальцами в массивных кольцах сигарету и прикуривая её от копеечной зажигалки.

– У киоска с выпечкой, – всё ещё всхлипывая, отозвалась Галка, опускаясь на ящик от польских яблок и раскрывая книгу.

– Я прогуляюсь к метро, а ты посмотри за товаром, – зажав дымящуюся сигарету в зубах, мать вынула из пакета банку и, с характерным хрустом открыв её, неторопливо двинулась по торговому ряду туда, откуда только что прибежала Галка.

Мать вернулась через полчаса, и глаза её были масляные и пьяные. Не глядя на дочь, Вера тут же полезла за новой банкой, и только старик с неопрятными седыми патлами, теребивший крайние джинсы на гравиапе, помешал её намерению откупорить новую порцию мутноватого дешёвого пойла.

– Почём эти брюки? – заинтересованно осведомился потенциальный покупатель.

Вера тут же сообщила цену, и Галка отметила про себя, что цифра, названная матерью, разительно отличается от назначенной хозяином. Ничему не удивляясь, девочка поудобнее устроилась на своём импровизированном стуле и снова погрузилась в чтение. Время от времени поднимая глаза от очередной прочитанной страницы, Галка видела, как бойко у матери идут дела, и радовалась хорошей торговле. Значит, сегодня вечером придут гости, мама будет весёлая и довольная, и Галке не придётся трястись под кухонным столом, спасаясь от материнского ремня. День близился к вечеру, соседние точки стали сворачиваться. Продавцы снимали товар с гравиап и укладывали в мешки, после чего опечатывали мешки скотчем и при помощи носильщика Карима увозили на тележке в камеру хранения.

– Мам, надо собираться, – тронула Галка за руку мать.

– Что-то устала я сегодня, – промямила Вера, опускаясь под гравиапу на опустевшие мешки.

Галка не успела и рта раскрыть, как мама уже спала богатырским сном. Девочка в смятении крутилась возле неё, не зная, что делать. Подъехавший хозяин точки с удивлением оглядел батарею банок от джин-тоники, выстроившихся рядом с гравипой – Вера несколько раз посылала Галку в ларёк за добавкой, и принялся будить похрапывающую продавщицу. С трудом открыв глаза, Вера поднялась на нетвёрдые ноги и потянулась за сумкой.

– Првет, Андрюш. Торговля была хорошая, – еле ворочая языком, проговорила она. – Выручка – будь здоров!

Вжикнув молнией, мать снова села на мешок и принялась обследовать сумку в попытке найти выручку. Но, сколько она ни рылась в своём кожаном бауле, денег не было.

– Украли, – чуть слышно прошептала Вера, испуганно глядя на хозяина. – Всю выручку украли!

– А ты больше сумки с деньгами на видном месте вешай, – сплюнул себе под ноги Андрей. – Завтра же принесёшь мне всё, до последней копейки!

– Ты что, охренел? – заорала Вера. – Откуда я возьму столько денег? Почку продам?

– Да кто её купит, твою почку? Кому нужна почка алкоголички, идиотка! – в ответ заорал хозяин, краснея лицом и белея глазами. – Сколько раз тебе говорил – не нажираться на работе! Если не понимаешь по-хорошему – будет по-плохому. Или завтра вернёшь все деньги, или отпишешь квартиру.

– Может, ты и украл эту чёртову выручку, – накинулась продавщица на хозяина. – Специально украл, чтобы из квартиры меня выкинуть!

– Не городи ерунды, – скривился владелец товара. – И запомни! Я два раза не повторяю. Чтобы завтра были деньги. Или пеняй на себя.

Он повернулся и пошёл, а Галка с матерью стали собирать с перекладины оставшиеся джинсы и складывать в мешок.

– Это всё ты! – злобно шипела мать, с ненавистью глядя на Галку. – Вымахала, дылда! Не уследила за сумкой, дубина безмозглая! Мать от усталости на ногах еле держится, а она всё книжки читает! Читательница хренова! Тебе ещё чего?

Вера выпрямилась и, глядя поверх головы дочери, сердито упёрла руки в бока. Галка обернулась и увидела одну из чернявых товаров старухи, торгующих мохеровыми шарфами и косметикой.

– На два слова отойдём, – повелительно приказала молодая цыганка, теребя концы яркого платка, покрывавшего её голову.

Несмотря на пьяную удаль, мать, к удивлению Галки, неожиданно подчинилась. Цыганка шла первой, покачивая многочисленными юбками. За ней двигалась Вера. Женщины отошли к административному зданию, и цыганка заговорила:

– Говорят, Вера, у тебя выручку украли.

– Ты небось и украла, – огрызнулась мать.

– Не я, нет. Котляры не воруют. Мы гадаем на Трёх вокзалах, за это люди деньги дают, сколько не жалко. Хочешь, я сама тебе денег дам, чтобы ты завтра отдала хозяину?

– С чего бы такое великодушие? – подозрительно прищурилась Вера.

– Не за так, конечно, дам, – тут же поправилась цыганка. – Мы завтра в табор уезжаем, и ты отпустишь с нами свою девчонку.

– Чего? – встала Вера в позу оскорблённой добродетели. – Совсем свихнулась?

– Что слышала, – жёстко отрезала собеседница. И продолжила, пристально глядя на мать: – Прямо сейчас поедem к тебе домой. Ты соберёшь Галины вещи и бумаги. Знакомым будешь говорить, что дочка переехала к родственникам.

– Думала, может, в школу её отдать в этом году, – затанула Вера, набивая цену.

– Зачем врешь? – закуривая, одёрнула Веру цыганка. – Не собиралась ты Галю в школу отдавать. Так и слонялась бы девка по рынку. Не сделаешь, как я говорю, – Галя умрёт. Старая Замбила её смерть во сне видела.

– Правда, что ли, умрёт? – забеспокоилась Галкина мать, с тревогой поглядывая на дочку.

– Замбила так говорит, и слово её верное!

Вера сокрушённо покачала головой и вытянула сигарету из открытой пачки, выглядывающей из нагрудного кармана джинсовой куртки собеседницы.

– Как не вовремя! – забирая у цыганки зажигалку, проговорила Вера, сунув сигарету в зубы. – Мне ещё деньги Андрею отдавать, а похороны сейчас кучу бабок стоят, – бормотала она, закуривая. – Между прочим, если уж на то пошло, моя бабка и в самом деле была цыганкой. А, ладно! К родственникам так к родственникам. Забирайте Галку, чёрт с вами! Сейчас товар сдам в камеру хранения, и поедem за документами. Только чтобы деньги были прямо сегодня! И не столько, сколько украли! В два раза больше!

Париж, 18... год

Всю ночь Люсиль не сомкнула глаз, беспокоясь о Рудольфе, и лишь под утро забылась тревожным сном. Уже начинало светать, когда в дверь её каморки чуть слышно поскреблись. Вскинувшись на кровати, женищина зажгла слабый фитиль лампы и насторожённо прислушалась. Едва уловимый стук повторился снова. Модистка вскочила с матраца и на цыпочках устремилась к двери.

– Кто там? – испуганно прошептала она.

– Люсиль, открой, – раздался слабый голос.

Распахнув дверь, Модистка увидела лежащего на пороге Рудольфа. Рана на его бедре обильно кровоточила, и в коридоре уже натекла изрядная лужа. Не обращая внимания на непомерную тяжесть, женищина затащила друга к себе, с трудом уложила на кровать и, вернувшись в коридор с тряпкой, торопливо затёрла кровь. После чего бросилась к вдавшему в забытьё раненому и стала обрабатывать глубокую рану. Замотав бедро Рудольфа оторванными от нижней юбки оборками, Люсиль принесла таз с водой и, устроившись на перепачканной в крови оттоманке, стала протирать его лицо влажной губкой. С трудом приоткрыв глаза, Рудольф кинул на подругу мутный взгляд и чуть слышно прошептал:

– Люсиль, ты...

Раненый слабо улыбнулся:

– Как хорошо, что я добрался до дома. У антиквара была засада...

Он говорил, торопясь и задыхаясь, точно боялся не успеть сказать то, что тяготило его душу.

– Нас ждали... Кто-то выдал нас с Луи и Красавчиком. Прости меня, девочка... Я не принёс ни монетки. Мы бедны, как и прежде.

Сердце Люсиль зашло от жалости. Только вчера они были так счастливы! И вот теперь тот, кто ей дороже всех на свете, терпит невыносимую боль, стараясь не показывать вида! Сжимает зубы до скрежета, опасаясь застонать, чтобы не напугать её!

– Не беспокойся ни о чём, Рудольф, милый, – женищина провела по его воспалённому лбу прохладной ладонью. – У тебя сильный жар. Тебе нельзя волноваться.

Модистка встала и подошла к окну. Сквозь чисто вымытое стекло виднелась кирпичная стена соседнего дома и голуби, степенно прохаживающиеся по подоконникам. Если бы могла, она сама бы легла с кровавой раной на сафьяновую оттоманку, только бы Рудольф был жив и здоров! Если бы могла... Но изменить судьбу не в её власти. Зато хороший врач может сотворить чудо. Люсиль отошла от окна и, закусив губу, стала мерить шагами крохотную комнатушку, размышляя, как бы раздобыть денег на доктора. То, что без помощи врача Рудольф не протянет и суток, не вызывало ни малейших сомнений. Оставшихся от ужина

грошей навряд ли хватит на визит доктора. К тому же потребуются лекарства... Необходимо было что-то срочно предпринять, но что – Люсиль не знала.

– Мадам Расиньяк, передайте Альфонсу, что я не смогу быть к зиме в ваших краях, как обещал... Похоже, я надолго свалился, – чуть слышно шептал умирающий, глядя на подругу туманным взором и не узнавая. – Мадам Жозефина, пожалуйста... Пока ещё вы здесь, в Париже, на улице Герен-Буассо, но скоро покончите с делами и уедете... И вот тогда, молю вас, не забудьте сказать Альфонсу, что вернули мне деньги и Альфонс ничего мне не должен...

Люсиль встrepенулась. Ну да! Конечно! Мадам Расиньяк! Вот кто сможет одолжить денег на доктора для Рудольфа! Кинув быстрый взгляд на впавшего в забытiе больного, Люсиль накинула на плечи шаль, повязала голову косынкой и торопливо вышла из комнаты, заперев Рудольфа на замок. Она почти бежала, торопясь на улицу Герен-Буассо, чтобы разыскать свою спасительницу. Домов, где сдавались внаём меблированные комнаты, на этой улице было не так уж и много. Переговорив с консьержками, Модистка обнаружила Жозефину Расиньяк в милой квартирке на втором этаже доходного дома на углу. Супруга давнего приятеля Рудольфа как раз собиралась куда-то уходить и стояла посреди гостиной одетая, когда в её номер вбежала взволнованная Люсиль.

– Добрый день, мадам Жозефина! Я Люсиль Гринье, вы меня помните? – срывающимся голосом с порога заговорила Модистка. – Мы встречались в погребке у матушки Буше. Я была с Рудольфом. Помните?

– Конечно, я вас помню, мадемуазель, и в любое другое время была бы рада перекинуться словечком, – великосветским тоном отозвалась мадам Расиньяк. – Однако сейчас прошу меня извинить. У меня нет ни минуты свободной, я очень тороплюсь.

– Мадам Жозефина, я пришла к вам просить за Рудольфа, – Модистка умоляюще прижала ладони к груди. – Рудольф очень болен, и мне совершенно не на что пригласить врача. Если бы вы ссудили нам десять франков...

– Не считите за оскорбление, мадемуазель Гринье, но я не располагаю лишними деньгами.

Постоялица номера держалась надменно и холодно. В знакомой Рудольфа не осталось и следа от былой любезности. Тон её был резок, глаза колючи.

– Должна признаться, мои собственные планы потребовали гораздо больших затрат, чем я рассчитывала. У меня осталось денег только-только в обрез, чтобы заказать дубликат ключа от чёрного хода дома графини.

– Дубликат ключа? – радостно воскликнула Модистка. – Я могла бы его изготовить, ибо отлично владею этим ремеслом.

– Но мне нужно срочно, – приблизившись к окну, задумчиво проговорила Жозефина. – Кухарка, которая передала мне слепок, сказала, что графиня этим вечером уезжает в гости, а прислугу отпускает. Видите? Вон там! Занавеска на кухне опущена – это знак, что хозяйки уже нет в доме. Поторопитесь, голубушка, если хотите получить свои деньги.

– Разве вы не дадите мне денег прямо сейчас? – растерялась Люсиль. – Рудольфу очень плохо. Я бы сперва пригласила врача, а затем уже принялась за дело. Если Рудольфу не помочь, он может не выжить.

– Тем лучше! – жёстко откликнулась воровка, рывком отворачиваясь от окна и протягивая Люсиль коробок со слепком. – Значит, быстрее будете работать, чтобы успеть до того, как ваш приятель отправится к праотцам!

И, глядя на обескураженную визитёршу прозрачными голубыми глазами, холодно закончила:

– Я деловая женщина и не занимаюсь благотворительностью, а плачу исключительно за выполненную работу.

Люсиль приняла из рук блондинки оттиск ключа и, не прощаясь, направилась к дверям.
– Я буду ждать вас в этой комнате, – вдогонку прокричала Жозефина. – Постарайтесь закончить как можно скорее!

Задыхаясь от быстрого бега и не чуя ног, Люсиль вернулась к себе. Взбежала по лестнице и, отперев коморку, первым делом устремилась к Рудольфу. Разметавшись в бреду, он горячечно повторял её имя.

– Люсиль, малышка, прости меня... Прости...

– Я здесь, милый! – ласково улыбнулась Модистка, смахивая слезу. – Всё будет хорошо. Я раздобуду денег и приведу врача.

Люсиль скинула платок и разложила на столе инструменты, стараясь не слышать хриплых стонов умирающего, принялась за работу. Час проходил за часом, в комнате становилось всё темнее, и умелая мастерица, ловко орудуя щипчиками и пилками, торопилась как можно скорее изготовить из стальной пластины дубликат ключа. Ключ был готов, когда окончательно стемнело. Покрытый испариной Рудольф продолжал метаться в бреду и чуть слышно стонать. Модистка зажгла масляный светильник и, протерев лицо больного влажной губкой, стремглав бросилась на улицу Герен-Буассо. Весь день она ничего не ела, но даже не вспоминала о себе, беспокоясь за жизнь любимого. Платок сбился набок, шаль криво повисла на одном плече, грозя вот-вот упасть в осеннюю грязь, а Модистка этого не замечала. Она бежала по мостовой, и ветер трепал неприбранные волосы, но женищина не думала о том, как выглядит. Рудольф – это всё, о чём она помнила в этот момент. Потянув на себя тяжёлую дверь доходного дома, Люсиль шагнула в парадное и, с трудом переводя дыхание, жалко улыбнулась склонившемуся над газетой консьержу:

– Месье, я к мадам Расиньяк, меня ожидают.

– Мадам Расиньяк ушла, – не глядя на посетительницу и продолжая читать, казённым голосом откликнулся мужчина, даже не потрудившись выйти из своей комнаты.

– Ушла? Давно? – Люсиль не могла скрыть удивления.

– Минут десять назад.

В недоумении качая головой, Люсиль вышла из дома заказчицы. Может, Жозефина устала её ждать и направилась к графине без ключа, надеясь забраться в дом через окно? От этих мыслей Модистка приободрилась и устремилась к строению напротив. В безмолвии ночи здание на противоположной стороне улицы возвышалось тёмной громадой, похожей на корабль. Ни один луч света не падал из его окон. Люсиль обошла особняк со всех сторон и со всё нарастающим беспокойством убедилась, что мадам Расиньяк поблизости нет. Окончательно растерявшись, несчастная застыла перед дверью чёрного хода. У неё был ключ от дома, где любая вещь стоила никак не меньше тех денег, которые врач бы взял за визит к Рудольфу. Да ещё бы осталось на лекарства. Только одна вещь, и всё! И Рудольф, её Рудольф будет жив и здоров. Разве это воровство? Она возьмёт чужое не для себя, а для любимого. Что в этом плохого?

Решиительно тряхнув головой, Люсиль шагнула вперёд и вставила отмычку в замочную скважину. Повернула ключ и толкнула дверь. Дверь со скрипом приоткрылась, и женищина вошла в темноту чужого дома. Запахло лавандой и свежей выпечкой. Но не успела возлюбленная Рудольфа сделать и двух шагов, как вспыхнул свет масляной горелки и прямо на Люсиль устремился высоченный великан. Модистка смотрела на приближающуюся фигуру и не верила своим глазам. Это был Рудольф! Здоровый, бодрый Рудольф без малейших следов ранения шёл прямо на неё, в руках его блестели открытые наручники. И баритон его прозвучал, как трубный глас, возвещающий конец света.

– Люсиль Гринье, вы арестованы за проникновение в чужое жилище. Следуйте за мной.

Женищина застыла, не в силах поверить в происходящее. Она ощущала себя так, словно склонилась к смеющемуся младенчику, стремясь поцеловать его, и улыбающееся детское личико, вдруг оскалившись, обернулось мерзкой сатанинской рожей.

– Рудольф, милый, тебе уже лучше? – онемевшими губами с трудом вымолвила Модистка, недоверчиво рассматривая вроде бы знакомое, но сильно изменившееся лицо того, кого ещё секунду назад она считала своим любимым.

– Перед вами, мадемуазель, шеф охранной полиции Эжен Франсуа Видок, – надменно сообщил этот чужой, незнакомый человек, надевая на Модистку наручники. Люсиль испуганно отшатнулась, даже не пытаясь скрыть охватившие её отвращение и ужас. А фальшивый Рудольф насмешливо продолжал: – Вам, мадемуазель Гринье, самое место на галерах. Теперь вы не скоро сможете удивить нас своими талантами.

И, сменив тон с глумливого на грозный, закричал:

– Ну, что стоишь? Пошла! – Видок с силой толкнул раздавленную и уничтоженную Люсиль в спину. – Что смотришь? Не узнаёшь? Как я устал от этого маскарада! Устал от тебя, от твоей убогой грязной лачуги, от дрянной еды и больше всего на свете мечтаю оказаться дома, подальше от мерзких дешёвок, таких, как ты.

С трудом переставляя ноги, Люсиль двинулась вперёд, проклиная себя за то, что в тот же день, когда задержали Большого Жана, не ушла в монастырь, как собиралась сделать, сидя в полицейском участке. Теперь она обречена на каторгу, а это гораздо хуже смерти.

Москва, конец 80-х

Поезд до Минусинска отправлялся ровно в полночь. Семеро цыган, и с ними худенькая рыжеволосая девочка, стоя на перроне, дожидались, когда подадут состав. Галка крепко держала за руку старую Замбилу, похожую на тощую райскую птицу в своих ярких цветастых юбках и в жёлтой, с широкими рукавами кофте, поверх которой краснела спортивная стёганая безрукавка. Стоящие вокруг пассажиры боязливо поглядывали на большие цыганские узлы, сложенные кучей рядом со старухой. Косился на багаж и молоденький милиционер, недоверчиво взиравший на девочку и старуху, но подойти и спросить документы не решался, хотя было видно, что ему очень хочется это сделать. Молодые цыганки золотозубо скалились, болтая с парой рослых цыганских парней на своём языке, однако не спускали глаз с прохаживающегося рядом с ними милиционера. Галка отчётливо слышала, как Замбила раз за разом бормочет одно и то же:

– Вода в реке, следы на песке – никому не говорите обо мне. Утечёт вода, ветер заметёт следы – и никто не скажет, что я умывалась в той реке и ступала по тому песку. Никто не будет помнить, что я жила, что я была, что я есть на этом свете. Никто не помнит, никто не видит. Нет меня! Нет меня! Нет меня!

После троекратного повторения заговора милиционер вдруг утратил интерес к цыганам и, словно забыв об их существовании, двинулся на другой конец платформы, проверять документы у подгулявших шабашников. Когда подали поезд, проводница приняла из рук молодого цыгана билеты и, недоверчиво осмотрев проездные документы, шагнула в сторону, давая пройти. Ромале подхватили мешки и сумки и, громко переговариваясь, устремились в вагон. Галку устроили в одном купе с Замбиллой. Девочке отвели верхнюю полку, так же как и самой молоденькой из цыганок, которую звали Маша. Хотя Маше было пятнадцать лет, она уже покрывала голову косынкой, как и подобает замужней женщине в их роду. Однако замужество не мешало Маше оставаться смешливой хохотушкой, радостно улыбающейся при каждом удобном случае.

– У каждого табора есть своё прозвище, – сидя на Галкиной полке, взахлёб рассказывала Маша. – Мы, например, рода рувони. По-цыгански рув – это волк. У нашего рода в Минусинске

табор. И ещё есть во Франции. Я в позапрошлом лето ездила во Францию на свадьбу двоюродной сестры. Вообще у меня много сестёр. А родных только две. Любаша и Таня. Тебе сколько лет? Семь? Любаше шесть, Тане девять. Будете подругами.

Галка смотрела на юную цыганку и думала, что уже сейчас, среди чужих людей, ей гораздо лучше, чем с родной матерью.

– В Москву с нами будешь ездить, – пообещала Маша. И не без гордости похвасталась: – Мы с братьями часто в Москву катаемся. И бабушка Замбила всегда с нами. Братья ездят по делам серьёзным, а бабушка просто так, людей лечить. Бабушку в этот раз приглашали кого-то из правительства на ноги ставить, но Замбила этих, из правительства, не очень любит. Говорит, что хвори к высокопоставленным чиновникам как-то по-особенному сильно прилипают. А уж если бабушка Замбила не вылечит, значит – никто не вылечит. Ложись и помирай.

За бельём отправилась Лила, та самая деловитая цыганка, которая договаривалась насчёт продажи Галки. Вернулась Лила не одна, а в компании с проводницей. Той самой, которая недоверчиво смотрела на билеты. Сотрудница железной дороги имела вид самый решительный. Её сожжённые мелкой «химией» волосы торчали в разные стороны, бордовые щёки тряслись от возбуждения, ноздри картофельного носа воинственно раздувались.

– Начальник поезда дал указание у всех подозрительных личностей документы проверять, – откатив дверь купе, не терпящим возражений тоном заявила она, усаживаясь на диван рядом со старой Замбиллой. – Предъявите ваши документы! И на девочку тоже!

Замбила придвинулась ближе, почти вплотную, взяла проводницу за руку и заговорила, глядя ей прямо в глаза:

– Добрая, молодая, спросить можно вас?

Проводница отрицательно мотнула головой, но руку не отняла.

– Время сколько, не скажешь?

Женщина взглянула на запястье, где красовались модные электронные часики, и чуть слышно ответила:

– Десять минут первого.

– Ай, спасибо! – обрадовалась старуха. – За уважение тебе надо погадать.

И, перевернув руку собеседницы ладонью вверх, монотонно зачатила, переходя с «ты» на «вы» и обратно.

– Два дела вижу – хорошее и дурное. Ты на вид весёлая, а в душе недовольная. Первую любовь, первую судьбу ты потеряла, потому что вам люди помешали, спорчили вам всё дело. Тоска твоя злее болезни. Сама ты не пьёшь, а как пьяная ходишь. В больнице вы были, а пользы не имели, но страдаешь не от бога, а от людей, от нечистой силы. Но перемена в твоей жизни будет очень хорошая, только будь похитрей. Что имеете на душе, то на языке не имейте. Будет вам приглашение числа пятого-десятого, – не ходите. Будете иметь канитель, неприятности. Запомнила?

Проводница отрешённо кивнула.

– А теперь иди к себе, и никуда не выходи из своего купе, – строго приказала цыганская колдунья. – А то будет вам морока. Канитель и неприятности. Слово моё крепкое. Бабушка Замбила никогда не врёт.

Свесив голову с верхней полки, Галка с восторгом и ужасом наблюдала, как во время «гадания» воинственный настрой проводницы сменился апатией. Получив указания, женщина, точно в трансе, поднялась с узкого дивана и послушно вышла из купе, деликатно прикрыв за собой дверь.

– Видала? – сделав большие глаза, прошептала Маша.

– Ага! – выдохнула Галка.

– Во, как бабушка умеет! – захлёбывалась от восторга новая подружка. – Бабушка Замбила ведьма, шувани. Она делает бок та кушти, бок бути.

– Чего делает? – почтительно осведомилась Галка, проникаясь невольным уважением к чужому языку, звучащему как песня.

Маша закатила глаза, обдумывая ответ, и через минуту выпалила:

– Можно перевести как «работа плохой и хорошей удачи», точнее не знаю как сказать. Скоро начнёшь понимать по-нашему, станешь совсем как мы. Будешь жить с Замбиллой, она сделает из тебя шувани. Для этого она тебя и взяла к себе.

– А почему из меня? Почему не из тебя?

– Ты что, я не могу! – испугалась Маша. – Быть ведьмой страшно. А я ребёночка скоро рожу, да и муж у меня есть. А у настоящей шувани не может быть ни семьи, ни детей. У бабушки Замбиллы нету детей. И мужа нету. Теперь у неё будешь ты. Старая Замбила научит тебя всему, что сама умеет. Я слышала, бабушка это Лиле говорила. Ты, Галка, тоже научишься так морочить людей, что они будут забывать, зачем пришли к тебе.

Маша захихикала, будто сказала что-то очень смешное.

– Ведь так, бабушка Замбила?

Но Замбила не отвечала. Она сидела, откинувшись на спинку дермантинового дивана, и смотрела в тёмное окно, на бегущие мимо фонарные столбы, выхватывающие из ночной мглы яркие снопы жёлтого света. Сегодня ей опять был сон, который снился из ночи в ночь. К Замбиле снова пришла незнакомка и попросила разыскать цыганскую серьгу удачи, чтобы вернуть этот амулет Саре Кали.

– Ты же видишь, Замбила, что род рувони приходит в упадок, – на языке котляров заговорила ночная гостья. – Никогда рувони не торговали наркотиками, а сейчас торгуют. И брат твой, глава рода баро Гранчо, смотрит на это безобразие сквозь пальцы! Сама знаешь, Замбила, что сыновья твоего брата для отвода глаз развешивают на базаре мохеровые шарфы, раскладывают помады. А на деле продают людям дурь. Только Сара Кали сможет вернуть роду волков разум. Добудь цыганскую серьгу удачи и принеси святой Саре! Для ромов не секрет, что серьга эта помогает шельмовать, и я точно знаю – Сара Кали гневается на соплеменников, потому что до сих пор серьгу не положили к её ногам. Хотя и обещали. Я обещала. Дала обет. Но не смогла выполнить. Не по своей вине не смогла. И потому прошу тебя, Замбила. Чтобы святая снова прониклась симпатией к рувони, нужно опустить серьгу в щель на постаменте статуи Сары, не дав амулету и дальше бродить по свету и помогать безнаказанно творить зло. Замбила, ты уже старая, но очень сильная, только ты справишься с этим делом. Принеси серьгу удачи к цыганской святой в Сент-Мари-де-ля-Мер, и я упокоюсь с миром, а Сара Кали вновь вернёт роду рувони своё прежнее расположение.

После визитов ночной гостьи Замбила ни о чём другом не могла думать. Старуха заперлась в тёмной комнате, достала из бережно хранимого сундучка старинную романо патрин, и цыганская картина рассказала Замбиле всё, что случилось с серьгой удачи за долгие годы. Пристально, до боли в глазах, вглядываясь в натёртую фосфором картонку с дырочками, выколотыми цыганскими иглами, шувани отчётливо видела, что цыганская серьга удачи сейчас находится у банкира, проживающего за границей, в Майами. Дела банкира довольно сомнительны, однако идут в гору, из чего можно заключить, что амулет неотлучно находится с ним. А также Замбиле стало известно, что у нынешнего владельца серьги есть сын, парнишка восьми лет. Что делать с этими сведениями, старуха не знала до тех пор, пока на глаза ей не попала Галка. Дочка Веры сразу обратила на себя внимание всемогущей шувани, ибо в девчонке, несомненно, также была колдовская сила. Сила от рождения. У всех рыжеволосых есть такая сила, нужно только суметь ею воспользоваться.

Старая Замбила знала, как извлечь и развить дар, отпущенный Галке Господом Богом. Именно из рыжих волос, добываемых с таким трудом, получают лучшие обереги, которые Замбила плетёт всему табору для защиты от дурного глаза. Кроме того, у цыган бытует поверье, что увидеть на утренней зорьке красноволосую деву верхом на белом коне – это к удаче.

Так пусть Галка живёт в их таборе на радость всем. Скачет рассветным утром на белом коне, плетёт из своих густых огненных волос могучие обереги. Ну и, конечно же, и сама получает от этого пользу. Не надо быть ворожеей, чтобы понять, как в дальнейшем сложится жизнь смазливой девчонки, останься Галка со своей матерью. А рядом с Замбиллой девчонка наберётся ума-разума, станет настоящей шувани и вернёт роду волков утраченное расположение их цыганской святой Сары Кали.

Париж, 18... год

Квартира шефа охранного отделения тайной полиции располагалась в добротном доме фешенебельного квартала Парижа, на улице Нев Сен-Франсуа. Именно туда, препроводив Люсиль Гринье в участок, отправился экипаж Видока. Кучер остановил лошадей у высокого парадного крыльца, и из кареты вышел Эжен Франсуа. Теперь Видок мало походил на сутулого хромоногого каторжника, завладевшего сердцем Люсиль Гринье, но всё-таки в нём ещё можно было разглядеть несомненные черты Рудольфа, от которых талантливый лицедей не до конца успел избавиться. Косящий глаз, покрытый язвами нос и накладку из коротко остриженных волос удалить можно было только в подходящих условиях гримёрной комнаты, и шеф тайной полиции стремился сделать это как можно скорее, торопясь домой. Поднявшись по парадной лестнице, Видок отпер дверь квартиры и вошёл в прихожую. И сразу же на звук его шагов из спальни торопливо выбежала светловолосая женщина, одетая в пеньюар и домашние туфли, в которой Люсиль Гринье, несомненно, признала бы мадам Расиньяк.

– Франсуа! – с облегчением воскликнула блондинка, принякая к груди Видока. – Я так за тебя волновалась!

– Ну-ну, Аннет, не стоило этого делать. Что такого страшного могло произойти? – Сыщик снисходительно потрепал помощницу за подбородок. – Ты же знаешь, детка, удача всегда со мной. Распорядись насчёт ванны и приготовь что-нибудь поесть.

Из ванной комнаты, соседствовавшей с гримёрной, Видок вышел совсем другим человеком. Это был высокий светловолосый атлет с густым выющимся чубом, хорошо очерченными скулами и мужественным подбородком, украшенным игривой ямочкой. От жалкого сентиментального воришки Рудольфа не осталось и следа. Движения его были размашисты, голос громок, взгляд решителен и жёсток. Гонимый голодом, Видок устремился туда, откуда доносились чарующие запахи изысканных яств, и вскоре обитатели уютной квартирки на улице Нев Сен-Франсуа уже сидели в просторной гостиной, и верная подруга шефа тайной полиции, не спуская глаз с поедающего бланманже друга, с сочувствием в голосе говорила:

– И всё-таки мне жаль эту несчастную Гринье. Она же не преступница! Пособница – возможно, но не преступница! Люсиль действительно тебя полюбила и хотела спасти.

– Помолчи, Аннет! – переставая есть, повысил голос Видок. И с раздражением продолжил: – Ты не понимаешь, о чём говоришь. Как раз такие, как Люсиль Гринье, наиболее опасны! Прикидываясь невинными овечками, они способны на самое низкое преступление, какое только возможно себе представить! Это воровское отребье, а не женщина. Убогая подстилка, не делающая различия между партнёрами. Ей всё равно, с кем лечь в постель. Люсиль Гринье преступница до мозга костей, и не переоденься я Рудольфом, другой молодчик завладел бы её сердцем и вынудил бы пойти на преступление. Ей нужен был толчок, чтобы раскрыть свою подлую сущность. И этот толчок бы рано или поздно произошёл. А я всего лишь предвосхищаю проступки таких, как она. Я восстанавливаю справедливость и отправляю преступников туда, где им самое место – на каторгу. Ты, Аннет, мне очень помогла. Если бы не ты, мне было бы значительно труднее втереться в доверие к Гринье. Но с тобой или без тебя я всё равно бы унёк за решётку эту тварь.

– Как ты суров к оступившимся! Иногда мне кажется, что я живу с самим дьяволом, – прошептала Аннет, передёргиваясь, точно от холода.

– Не преувеличивай, любовь моя, – польщённо улыбнулся Видок, широкой ладонью проводя по её щеке. – Я всего лишь орудие возмездия в руках господних. Почему ты о ней заговорила? Признайся, Аннет, ты ревновала меня к Люсиль?

– Ревновать тебя – всё равно что пытаться удержать в ладонях море, – пожала плечами собеседница Франсуа. – Я люблю тебя, Франсуа, люблю по-настоящему. И иду следом за тобой по тому же пути, куда направляешься ты, и стараюсь сделать этот путь как можно легче.

– Да, милая. Ты всегда была рядом в тяжёлую минуту. Я знаю, что могу положиться на тебя. Приготовь мне сюртук и панталоны, я должен ехать с докладом.

– В такую рань? – изумилась сожительница Видока.

– Надеюсь, господин Анри уже встал, – самодовольно заметил сыщик. – Хочу заехать к шефу домой и первым доложить, что с бандой Большого Жана покончено. Прошлой ночью задержаны Этьен Гевив – Красавчик и Хромой Луи – Франкур, и, как ты знаешь, только что мы взяли с поличным Люсиль Гринье.

Шеф Парижской криминальной полиции был единственным человеком, мнением которого дорожил неустрашимый Видок. Что бы Видок ни сделал на службе, любое его действие подвергалось критическому анализу: как на это посмотрит господин Анри? А всё потому, что только господин Анри, он один, много лет назад поверил скрывающемуся беглому каторжнику Эжену Франсуа Видоку. Юность свою Видок старался не вспоминать. Он был молод, горяч, неразборчив в поступках и связях.

В поисках приключений сбежал из дома, отправился в Париж и записался добровольцем в армию. Благодаря бравому виду, осанке и умению фехтовать Видок был зачислен в егерскую часть. Перед сражением с австрийцами юношу произвели в капралы гренадеров. Но ссоры и дуэли, которые Эжен Франсуа бесконечно затевал, вынудили его перейти на сторону австрийцев. Однако измена продлилась недолго, ибо Видок не собирался проливать свою кровь ни за австрийцев, ни за французов, ни за кого бы то ни было вообще, воспринимая военную службу как временное пристанище. Поссорившись и с австрийцами, капрал гренадеров снова вернулся к французам. А затем и вовсе подался в бега.

Влюбившись в весьма доступную девицу и застав её в постели с другим, избил любовников, за что и был заточён в башню святого Петра. Тюремное заключение за столь незначительный проступок могло бы так и остаться лишь эпизодом в жизни юного Видока. Однако неопытность и самонадеянность сыграли с ним злую шутку. Не думая о последствиях, Эжен Франсуа польстился на сто франков, предложенных сидевшим вместе с ним в одной камере крестьянином за помощь в освобождении из тюрьмы. Недолго думая Видок и два его приятеля по заключению, подделав документы о помиловании, передали бумаги через вступившего с ними в сговор надзирателя. Когда бумаги дошли до самого верха, крестьянин отправился на свободу, к семье. Но вскоре крестьянина схватили, и он тут же выдал пособников, уверявших, что они знать ничего не знают о поддельных бумагах и уж тем более не имеют к ним никакого отношения. Видоку и его друзьям не поверили, – надзиратель во всём признался. И к уже имеющимся срокам заключения добавились дополнительные несколько лет. Но долго оставаться в камере Видок не собирался – у него на собственную жизнь имелись другие планы.

И начались бесконечные мытарства. Юноша убежал из тюрьмы – его возвращали. Он снова бежал, и снова его ловили и водворяли в камеру. Побегі сделались верительной грамотой Видока, по которой его с великими почестями принимали в любой тюрьме. В первый раз Эжен Франсуа решился на побег при помощи раскаявшейся любовницы, той самой, из-за которой он и угодил в башню святого Петра. Ветреная красotka принесла простившему её узнику мундир тюремного инспектора. Воспользовавшись мундиром, Видок загримировался и бежал, но его поймали и снова посадили в тюрьму. Однако мысль о побеге с тех пор не покидала юношу. Благоприятный шанс представился довольно скоро.

В один из промозглых зимних дней Видок и ещё несколько заключённых были вызваны на допрос. В помещении кроме узников находились двое жандармов. Один из охранников вышел, опрометчиво оставив около Видока мокрую от снега шинель и головной убор. Другого жандарма в это же время вызвали звонком. И тут Видока пронзила мысль: надо быть круглым дураком, чтобы не попытаться счастья! Не теряя ни секунды, Видок быстро надел шинель, головной убор, схватил за руку одного из заключённых и решительно направился к двери, делая вид, что сопровождает арестанта по нужде. Ничего не подозревающие солдаты их пропустили.

Оказавшись на воле, Эжен Франсуа по простоте душевной сразу же двинулся к любовнице, где его уже ждали полицейские. Дерзкого беглеца отправили в парижскую тюрьму Бисетр, где арестанты дожидались отправки на каторгу. Заключённых заклеямили, сковали попарно и отправили по этапу. По дороге Видок снова сбежал, перепилив оковы и усыпив бдительность конвоиров. Обретя свободу, беглец поселился в маленькой деревеньке у бывшего кармелитского монаха и стал помогать в богослужении и обучении детей. С этой ролью Эжен Франсуа справлялся настолько хорошо, что ни у кого не возникло и тени подозрения, что молодой монашек на самом деле беглый каторжник. Страсть к женщинам согнала Видока с насиженного места. Однажды ночью на сеновале разомлевшего в объятиях красотики монашка схватили местные ревнивы и выволокли голым на улицу, увидев в лунном свете клеймо на плече, пригрозили сдать властям.

Не дожидаясь, когда за ним придут полицейские, Видок бежал. Немного поколесил по Франции, затем нанялся матросом на капер и отправился в Роттердам. Паспорта у него никто не требовал, и юноша в который раз за время своих странствий присвоил себе чужое имя. Вместе с товарищами он брал на бордаж английские торговые суда, за что получал свою долю захваченной добычи. У Видока скопилась презрительная сумма денег, и юноша уже начал подумывать об открытии собственного дела, но тут на капер нагрянула полиция. Матроса без документов забрали на берег, и по дороге в участок он снова попытался бежать, на этот раз неудачно. Беглеца отправили в Тулон, где вскрылось его прошлое. Видоку выдали одежду каторжника и заковали в ручные кандалы. Так он очутился среди «оборотных лошадей», как называли беглых и снова пойманных преступников. И опять Видок, прибегнув к маскарადу и загримировавшись фельдшером, сбегает из тюрьмы. И вновь неудачно. Тогда он подстерегает удобный момент и прыгает из окна камеры в протекающую под стенами узилища реку, породив, таким образом, миф о своей бессмертности, неуязвимости и прямо-таки нечеловеческой везучести.

Так Эжен Франсуа сделался легендой, получив громкое прозвище Король Риска. О нем говорили, что он не человек, а оборотень. О его способностях проходить сквозь стены тюремные поэты слагали баллады. И хотя авторитет Видока в преступных кругах был невероятно высок, это был замкнутый круг, из которого вечный беглец не видел выхода. Жить среди преступников амбициозному юнцу претило, ибо он считал себя несравненно выше окружающих его отбросов общества. Эжен Франсуа полагал, что рождён стать полководцем. Или даже – к чему уж скромничать – самим императором!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.